

THE WORD AND THE IDEA

DOI 10.15826/qr.2020.1.445

УДК 27-188.5+27-181.7+94(470)".../1150"

ЗЕМНОЙ РАЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Владимир Мильков

Институт философии РАН,
Москва, Россия

EARTHLY PARADISE IN THE RELIGIOUS IDEAS OF OLD RUS'

Vladimir Milkov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the Old Russian ideas about the other world and various interpretations of the earthly paradise. The author focuses on the content of Orthodox, apocryphal, and legendary texts about the other world, referring both to published and archival sources. The article reviews and compares texts that describe the other world and the path to earthly paradise, including *Epistle about Paradise*, *The Legend of St Macarius the Roman*, *Zosima's Journey to Rahmans*, *Agapius' Journey to Paradise*, *Is Paradise Sensuous or Sensible?*, *About Paradise Rivers*, *Questions and Answers of St Athanasius to Antiochus*, *The Explanatory Palaea*, *A Word about the Righteous Creed*, etc. Issues connected with the other world are studied with an interdisciplinary approach, i. e. the ideological and religious interpretation is combined with the methods of specific historical and textual analysis. It is established that there was no common understanding of the other world in Old Rus', which is reflected in arguments about paradise. There were three concepts of the nature of paradise: earthly paradise; paradise as a noumenal and inaccessible entity; and paradise

* *Citation*: Milkov, V. (2020). Earthly Paradise in the Religious Ideas of Old Rus'. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445.

Цитирование: Milkov V. Earthly Paradise in the Religious Ideas of Old Rus' // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445 / Мильков В. Земной рай в религиозных представлениях Древней Руси // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445.

created by God for the forefathers, half heavenly and ethereal in nature. Vasily Kalika, the author of the *Epistle about Paradise*, was a supporter of the concept of paradise located on an island in a distant sea. Kalika's argument was based on data from church sources, apocrypha, and "eyewitness" evidence. The archbishop considered literary and folklore stories about journeys to the earthly paradise the most important proof of the existence of an earthly paradise. The author concludes that belief in an earthly paradise in Russia was formed under the influence of Antiochian theology, apocryphal travels to paradise, and folk legends about reaching the edge of the world. Bishop Vasily Kalika and his flock's religious ideas are a synthesis of Orthodox, apocryphal, and pre-Christian ideas.

Keywords: Old Rus'; Apocrypha; earthly paradise; Vasily Kalika; *Epistle about Paradise*; Russian mentality.

Предметом исследования являются христианские представления об ином мире и разные трактовки земного рая в Древней Руси. Объект исследования – содержание ортодоксальных, апокрифических и легендарных текстов. Для этой цели привлечены как опубликованные, так и архивные источники. В статье суммируются и сопоставляются тексты, описывающие потусторонний мир и путешествия к земному раю: «Послание о рае», «Сказание о Макарии Римском», «Хождение Зосимы к рахманам», «Хождение Агапия в рай», «Чувственный рай, или разумен», «О райских реках», «Вопросы и ответы Афанасия Антиоху», «Палея Толковая», «Слово о правой вере» и др. Воззрения на инобытие изучаются с позиций междисциплинарного подхода, позволяющего объединить идейно-религиозную интерпретацию с приемами конкретно-исторического и текстологического анализа. Установлено, что единого понимания иного мира в Древней Руси не существовало, и это нашло отражение в спорах о рае. Существовало три концепции толкования природы рая: рай земной; рай как ноуменальная сущность, недоступная чувствам; сотворенный Богом рай для прародителей наполовину небесной, эфирной природы. Василий Калика, автор «Послания о рае», был сторонником островной концепции рая в отдаленных морских просторах. Аргументация Василия базировалась на данных церковных источников, апокрифов и рассказов «очевидцев». Самыми важными доказательствами существования земного рая архиепископ считал книжные и фольклорные рассказы о путешествиях к нему. Сделан вывод, что вера в земной рай на Руси формировалась под влиянием антиохийской традиции богословия, апокрифических хождений к раю и народных легенд о достижении края света. Религиозные представления о рае епископа Василия Калики и его паствы – это результат синтеза ортодоксальных, апокрифических и дохристианских идей.

Ключевые слова: Древняя Русь; апокрифы; земной рай; Василий Калика; «Послание о рае»; русский средневековый менталитет.

Вопрос о том, как представления об инобытийной сфере вписывались в картину мира на протяжении более чем двухтысячелетнего существования христианства, не был решен с полной определенностью. Согласно доктрине, действительность трактовалась как дуальная сущность, представленная ноуменальной сферой инобытия (иной мир вечности и бесконечности) и сотворенной материальной сферой (начально-конечный мир феноменов). Образно-конкретных характеристик иного мира в библейских книгах не приводится. В христианской гносеологии отсутствие конкретизации и описательности применительно к нематериальной сфере бытия логически закономерно, ибо, будучи реальностью внечувственного опыта, и сам сакральный объект поклонения, и весь находящийся за пределами творения иной мир непознаваемы и неопишуты, а факт их существования принимается на веру.

В Древней Руси представления об ином мире в общественном сознании формировали богослужебные тексты, извлечения из произведений христианской классики и созданные в славяно-русском мире ключевые энциклопедические труды, в которых обобщались базовые идеи Св. Писания и их трактовок экзегетами, представленных выборочно. В частности, «Палея Толковая» (первая треть XIII в.) удвоение действительности связывает с моментом творения: «Бог замыслил сотворить иной мир – земной» [Космологические произведения, с. 168, 301]. С этого момента параллельно с высшей трансцендентностью появляется вторичная онтологическая сущность – сначала материальная действительность, а затем материально-духовное создание, с которого начинается история человечества. Для венца творения иной мир приобрел небесную перспективу, но, согласно ветхозаветному рассказу о пребывании прародителей в раю, сохранил свои корни в творении. В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского (появился на Руси не позднее первой четверти XII в.) дуальная картина мира обосновывается с опорой на разработанный Северианом Габальским метод уподобления мироздания строению головы: мозг символизирует недоступное чувствам высшее небо, которое можно только представить в воображении; небо ротовой полости уподобляется тверди, разделявшей видимую и невидимую сферы; все остальное – это аллегорический аналог физического мира, который доступен эмпирическому восприятию [Баранкова, Мильков, с. 356, 684].

Выделение трех небесных зон соответствует евангельскому свидетельству о вознесении Павла (2 Кор. 12 : 2–4). Трехслойную стратиграфию (воздух, твердь, небо-небес) приняли экзегеты, локализуя в ноуменальном сверхпространстве уготованное праведникам Царствие Небесное. Хотя небо-небес и воспринималось в рамках христианской традиции как место локализации небесного рая, строгость разграничения обладающих разными онтологическими признаками этого (временного) и иного (вечного) миров нарушалась статьями Писания о земном рае, который в Книге Бытия предстает частью

мироздания, а в целом ряде произведений христианской книжности рассматривался как обитель ушедших из этой жизни праведников. Наделение высоким статусом этой части мироздания проблему соотношения рая прошлого и рая будущего, как свидетельствуют источники, не разрешало. Имевшиеся разъяснения обнаруживали разномыслие, которое усугублялось обращением к апокрифам.

На актуальность споров о природе и местоположении рая указывает неоднократно воспроизводившаяся в древнерусской книжности статья «Чювьственны ли есть раи, или разумен, тленен ли, или нетленен» [ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 566. Л. 1776; ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а-176б; РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 2. Л. 240б]. Разногласия делили спорящих на тех, кто считали рай доступным восприятию, то есть сущностью материальной, и тех, кто настаивали на исключительно духовном его характере. Автор полемической статьи утверждает, что рай создан не на небе, а «насажен» на земле и являет собой «место въсточное село избрано» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а]. Сомнение в этом, согласно аргументации, ведет к отрицанию свидетельств «Божественного писания» о райских садах, реках, сотворении прародителей и роли змия в грехопадении. Отрицая духовную природу созданного Богом рая, автор статьи все эти качества считает присущими небесному раю, который уподобляется небесному Иерусалиму [Там же. Л. 176б]. Такими аргументами обосновываются чувственная природа рая как сотворенного феномена и недопустимость переноса на него свойств небесного рая.

О том, что подобные споры велись в христианском мире, древнерусские книжники узнавали из переводов «Слова о правой вере» Иоанна Дамаскина (древнейший список датируется рубежом XII–XIII вв.), в котором сообщалось, что «ови убо видимъ раи реша, а друзии разумень» [Des Hl. Johannes von Damascus, s. 76]. Сам экзегет наделял земной рай духовными качествами, по сути, придавая сотворенной для прародителей обители ноуменальные признаки нематериальности (эфирности) [Ibid., s. 72]. Подобные взгляды как раз и критиковал автор древнерусской полемической статьи «Чювьственны ли есть раи, или разумен, тленен ли, или нетленен».

На почве неоднозначного понимания рая порой разгорались нешуточные страсти, о чем свидетельствует разразившаяся в середине XIV в. на Руси распря о «честном раю». Новгородский владыка Василий Калика (занимал кафедру в 1330–1352 гг.) обрушился на тверского епископа Федора Доброго (ум. 1367) за то, что тот считал земной рай не существующим («погибшим»). Рассуждения сводились к решению проблемы: рай чувственный или мыслимый. В таких категориях сталкивались точки зрения на то, какова его природа – земная (материальная) или духовная (нематериальная) [Послание, с. 42–49]. Риторика и аргументация Василия во многом совпадали с тем, как данная проблема проговаривалась в цитируемой выше полемической книжности. В обоих случаях основополагающими аргументами были

отсылки на ветхозаветные сведения о насаждении рая на востоке земли, где пребывал Адам, а также на упоминание в Ветхом Завете райских рек [Послание, с. 42]. Святитель-полемист подчеркивал, что неверие в существование земного рая имеет своим следствием отрицание библейских постулатов о райском древе и грехопадении. Ход мыслей совпадает с указанной выше статьёй, утверждавшей, что человек не мог быть создан в области «выше мирской», ибо местом пребывания прародителей был рай на востоке созданной Богом земли. Там, согласно Писанию, находились «древо смертное» и «прелестник змий» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а–176б]. Бескомпромиссный сторонник земного рая венчал свои рассуждения следующим утверждением: «да аще убо нес рая чювьствена на земли, то уже ни источника, ни рек, ни четырех верхов» [Там же. Л. 176а]. Характерно, что к процитированному тексту присоединен перечень великих рек. Подобного рода сюжеты о связи крупнейших рек мира с райскими истоками были широко распространены в древнерусской книжности и наряду с Книгой Бытия формировали веру в существование земного рая¹. Но для нас больший интерес представляют оригинальные суждения Василия и используемые им источники, из которых он черпал данные для обоснования правоты своей позиции.

Василий Калика в своей аргументации исток райской реки Нил связывает с местом жительства блаженного народа рахманов, которые в его понимании являются насельниками крайних земных пределов, соседствующих с раем. Последний отделен от рахманов непроходимыми горами, возвышающимся до небес. При этом святитель ссылается на Паремию, где упоминаются райские реки [Послание, с. 44]. В комментариях к публикации «Послания» было выдвинуто предположение, что данный мотив восходит к апокрифу «Хождение Зосимы к рахманам» [Демкова, с. 517]. Согласно апокрифическому повествованию, древнейший из сохранившихся списков которого датируется концом XIV в., Зосима в своем путешествии к раю преодолевает преграды сказочно-устрашающего облика, а в рай попадает чудесным образом,

¹ Из известных к моменту распри о рае книг назовем «Христианскую топографию» Козьмы Индикоплова [Книга, с. 313], получивший хождение на Руси со времен Владимира Мономаха «Шестоднев» Севериана Габальского в изложении Иоанна Экзарха [Баранкова, Мильков, с. 633, 818], вопросы-ответы на сюжеты Св. Писания [Архангельский, с. 111], а также «Беседу трех святителей» [Мочульский, с. 101–104]. Рассказ о том, что райский источник является «матерью» рек и делится на четыре части, включался в хронографические повествования [РГБ. Собр. Е. Е. Егорова. № 202. Л. 386–40а; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1. Л. 34а] и космографические описания [РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 861. Л. 274а–275а; РНБ. Собр. Софийской библиотеки. № 1450. Л. 112а]. С особым названием («Имена великих рек») данные о четырех райских реках помещались в одних подборках со статьями о земном рае [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 2. Л. 242б–243а; РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 860/970. Л. 268а; ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 259б; Синод. собр. № 548. Л. 63а; Синод. собр. № 638. Л. 319а; РНБ. Собр. Софийской библиотеки. № 1449. Л. 360а–361б]. Все перечисленные источники рассматривались древнерусскими книжниками как тематически родственные, поскольку в них последовательно проводилась мысль о земной локализации рая.

преодолев облачную стену над водной преградой реки Евмасион [Мильков, 2016а, с. 44–50, 58]². Сюжет о праведном народе построен из соединения двух частей: легенды о переселении потомков библейского Рехавы на землю без греха за мифической рекой и описания страны блаженных, восходящего к рассказу Палладия о рахманах. Не исключено, что в нашем случае сказалось знакомство с какой-то версией повествования о походе Александра Македонского и его встречах с праведным народом в преддвериях рая на берегах вытекающей оттуда реки³.

Характерно, что в самом апокрифе рахманы не упоминаются, а фигурируют только в названии пространной версии неканонического повествования: «Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, како ходи в рахмани»⁴. Василием место жительства рахманов связывается с Африкой, а не с Индией, как в большинстве повествований о походе Александра. Только в редакции С псевдокалисфеновской «Александрии», испытавшей на себе влияние талмудических легенд, местожительство блаженных локализуется в Африке [Веселовский, 1886, с. 285–290]. Налицо смешение синонимичных образов – живущих на окраине Вселенной рехавитов и праведных нагомудрецов-рахманов. Наложение разных апокрифических мотивов общей семантики исключать не приходится.

В качестве аргумента в пользу существования земного рая новгородский святитель приводит сведения, напрямую восходящие к апокрифическому «Хождению Агапия в рай». Он обращает внимание тверского епископа на то, что Агапий побывал в раю, встретился там с Ильей и вынес в мир полученный от райского насельника кусочек хлеба [Послание, с. 44]. О деталях чудесного путешествия на корабле к расположенной в пределах физического пространства обители праведных он умалчивает [ср.: Мильков, 1999, с. 635–640]. Все внимание

² Известно на настоящий день два списка апокрифического повествования: так называемый Сильвесторовский [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 53. Л. 178–182] и текст более полного состава [ГИМ. Синод. собр. № 817 (№ 806 по старой нумерации). Л. 1361–1380]. Публикацию см.: [Тихонравов, с. 78–92; Мильков, 2016а, с. 44–71].

³ Эта история была известна на Руси по переводу «Хроники Георгия Амартола», послужившей одним из источников при составлении «Повести временных лет». Индия в хронографическом труде описывается как населенный брахманами (нагомудрецами) край земли на подступах к земному раю [Истрин, с. 48–50]. На Руси была популярна сербская «Александрия», в которой одна из версий на основе истории деяний Александра, изложенная Псевдо-Калисфеном (II–III в.), соединена с рассказом путешествия завоевателя к земному раю. Древнейший список конца XV в. находится в рукописи известного книжника Ефросина XV в. [РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 11/1088. Л. 20а–194б]. Публикацию см.: [Александрия, с. 7–71]. Перевод был осуществлен на юге славянского мира в XIV в. и получил широкое распространение в славяно-русской книжности [Лурье, 1955, с. 148; Ванеева, с. 21–25]. Красочны фантастические описания преград на пути к волшебной райской стране и впечатляющие образы дивных обилием преддверий рая. В повествовании о путешествии завоевателя на край мира нагомудрецы – это праведные потомки изгнанного из рая Сифа.

⁴ Так же обозначают название апокрифа Индексы: «Зосимово хождение к блаженным», «О рахманах Зосимово хождение».

акцентируется на материальном и имеющем сакральное значение артефакте, подтверждающем досягаемость рая.

Еще одна прямая отсылка к данным апокрифического характера оформлена в виде указания на пребывание святого Макария в визуальной близости к земному раю [Послание, с. 44]. Приведенный аргумент неопровержимо свидетельствует, что Василию Калике было известно «Сказание о Макарии Римском», которое являлось неканоническим произведением, включавшим в житие подвижника наполненный как географическими, так и фантастическими подробностями рассказ о путешествии к земному раю. Апокриф задолго до появления «Послания о рае» в разных версиях был широко распространен в древнерусской книжности, включая минейные и проложные чтения⁵. Согласно ему, три инока направляются на край земли в поисках рая. Повторив путь Макария, они обнаруживают святого в преддверии обители праведных. Пройдя через испытания и достигнув своей цели в пределах этого мира, они благодаря Макарию убеждаются в невозможности проникновения непосредственно в рай при жизни.

Опираясь на апокрифическим материалом, новгородский святитель в споре подчеркивает, что свои аргументы он черпает из церковных источников. Владыка ссылается на проложное житие Ефросина, в котором есть данные об обладании святыми целебными яблоками из рая. В том же ряду оказываются упоминание принесенной ангелом райской ветви к одру усопшей Богородицы и знакомство с рассуждениями Иоанна Златоуста, который связывал расположение обители праведных с восточной стороной мироздания, а мест мучений – с западной стороной [Послание, с. 44; см. об этом также: Лончакова, 2007, с. 67–71]. О райских яблоках действительно можно было узнать из проложных чтений под 11 сентября, а мотив райской ветви из «Сказания Иоанна Богослова на успение Богородицы» восходит к «Слову Иоанна Солунского о преставлении Богородицы», а через него – к апокрифическому источнику [Федоровская, с. 56–57]. Во всех освященных церковным авторитетом аргументах от книжности просматривается их апокрифическая подоплека. При этом непосредственно о названиях апокрифических источников, откуда владыкой-полемистом черпалась фактура, дипломатически умалчивается. Однако апокрифическими данными доказательства в «Послании о рае» не ограничиваются.

⁵ Древнейшая полная версия имела хождение на Руси уже при жизни владыки Василия [ГИМ. Собр. А. И. Хлудова. № 195. Л. 240а–247а; РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081. Л. 1476–168а]. Публикацию см.: [Попов, с. 396–404; Памятники, с. 135–142; Тихонравов, с. 59–66]. Древнейший список сокращенной минейной версии апокрифа представлен рукописью конца XIV – начала XV в. [РГБ. Собр. И. Д. Беляева. № 54 (бывшее Собр. Румянцевского музея № 1548). Л. 98–104]; публикацию см.: [Мильков, 2016б, с. 77–97]. Хотя апокриф был внесен в Индексы, до нас дошло несколько разновидностей проложной краткой версии, древнейшей из которых является так называемый Погодинский пролог XIII в. Особые переводы проложной редакции читаются в других рукописях, публикацию см.: [Никифоров, с. 184–186].

Будучи горячим сторонником концепции земного и поэтому чувственно воспринимаемого рая, Василий Калика делает особый акцент на достигаемости обители блаженных и с этой целью обращается даже к свидетельствам жизненного опыта. В подтверждение восходящих к книжности данных он воспроизводит рассказы известных ему земляков, которые во время морских путешествий достигали мест, воспринимавшихся ими как инобытийные локусы. Согласно одной приведенной в «Послании» истории, новгородцы на «Дышущем» (то есть северном) море были «видоками» того, как из преисподней извергается «река молненная Моргъ», и оттуда доносится «скрежет зубный». Кроме того, новгородский владыка ссылается на рассказ вполне конкретных личностей – Моислава-новгородца и сына его Иакова, которым довелось созерцать место «святаго рая» во время плавания по морю (география не уточняется). Согласно их свидетельству, рай имел облик окольцованного горами острова, изнутри которого исходил «свет многочастный... а на горах тех ликования многа слышахуть». Посылавшиеся на разведку с радостными криками безвозвратно исчезали внутри райского острова, а те, кого отправляли туда на веревочной привязи, а затем силой вытаскивали назад, оказывались мертвыми [Послание, с. 44–46].

Свидетельства «видоков», по замыслу Василия, призваны были подтвердить его тезис о нахождении рая в отдаленном краю населенного мира, среди морских пространств. Путешественники из вечевых городов действовали так же, как визионеры хождений. Новгородскую легенду с апокрифами объединяет общая идея достижимости рая. На деле, как указывают исследователи, в местной новгородской интерпретации воспроизводились мотивы, сходные с европейскими устными сказаниями о морских путешествиях к раю [Веселовский, 1891, с. 93–97; Алексеев, с. 91–92]. В контексте древнерусской культуры подобные легенды накладывались на восходящие к дохристианским представлениям архетипы, согласно которым умершие находились в стране предков, локализовавшейся в пределах общего с живыми пространства, но чаще всего за водной границей или другими труднопреодолимыми для живых преградами [Елеонская, с. 43–47; Левкиевская, с. 348–358; Мильков, 2015, с. 64–73; Чистяков, с. 114–122]. Актуализация дохристианских смыслов в пастве Василия вполне согласуется с умонастроениями в вольном городе, где со второй половины XIV столетия стригольниками распространялся пантеистический культ земли.

Как оценить качество приводившихся Василием Каликой доказательств? Начав с аргументов Писания и ссылок на церковную книжность, новгородский владыка со строго догматических позиций сначала переключается на апокрифы, а затем соскальзывает на обыденно-жизненную логику рассуждений с позиций наивно-натуралистического мировосприятия, приписывая статус достоверности выдававшимся за быль легендарным историям. Именно их он считает главным неотразимым аргументом в споре со своим оппонентом. Подверстывая к апокрифической фактуре свидетельства «видоков», новгородский святитель, по сути дела, легализовал миф со всеми его

архетипами. Но в этом же ключе в апокрифических повествованиях о хождениях в земной рай объективным образом актуализировался общий с новгородскими легендами мифологический подтекст, который в самих апокрифах с их внешне христианской фактурой и фразеологией не был проявлен, но подводил под запрет Индексов.

Парадоксально, но новгородский владыка разделял со своей паствой веру в рассказы не просто сомнительного, а недопустимого с точки зрения доктрины характера. И положение не спасает то, что пережиточные от языческих времен смыслы транслировались в оболочке христианских понятий. Общей для апокрифов, устных легенд и архаических представлений о стране предков была идея посюсторонней локализации места, где пребывают души умерших. Все вместе говорит о весьма неглубоком усвоении христианских истин, позволявшем проявлять свободумыслие даже на уровне священноначалия. Переключение спора о рае на почву мифологических аргументов не дает права считать его взгляды строго доктринальными.

Формально Василий Калика был все-таки выразителем концепции земного рая, которой придерживались экзегеты антиохийской школы богословия. Они рассматривали рай как часть сотворенного мира и вписывали его в земную сферу разрабатывавшейся ими плоскостно-комарной модели мироустройства. Ко времени спора «о честном раю» ряд произведений, представлявших эту традицию, уже существовал в славянских переводах и русских списках.

В наиболее ярком виде антиохийская концепция земного рая была воспроизведена в «Христианской топографии Козьмы Индикоплова». Концептуальные идеи через Патрикия восходят к Федору Мопсуэстийскому [Культура Византии, с. 467–471]. Созданный в середине VI в. труд в переводе был известен не позднее рубежа XII–XIII вв. и получил самое широкое распространение в Древней Руси⁶.

Устройство мироздания Козьма мыслил наподобие гигантского космического дома с комарным небесным сводом, сотворенным в первый день, а затем отделенным от материальной действительности ледовой твердью во второй день творения. За основание этого дома-космоса он принимал плоский земной прямоугольник, окруженный Мировым океаном. Океан, в свою очередь, трактовался как пространство, заключенное в прямоугольный периметр краев земных, на которые опираются стены космического дома [Книга, с. 84, 108–109]. Земной рай в этом замкнутом пространстве творения он помещает в крайних восточных пределах дольного мира, там, где небесный свод опирается на землю «и паки окрест, еже ес, об ону страну и окрест океана землю, иде же на востоце лежить раи, иде же и край небсии связанъ с краи земными» [Там же, с. 67]. Небо-небес он отождествляет с Царствием Божиим, а обитель праведных локализует на земле. Реальность рая в пределах

⁶ Не считая многочисленных извлечений в сборники смешанного содержания, к настоящему времени по далеко не полным данным выявлено более 50 списков [Пиотровская, с. 37–40; 221–223].

физической действительности подтверждается, по мнению Козьмы, дующими с востока благовонными ветрами и прилетом из невидимой благодатной земли птиц [Книга, с. 65]. Любые попытки достичь райских пределов экзегет считает тщетными. Водное пространство, отделяющее рай от ойкумены, преодолел только Ной [Там же]. Из этого следует, что место жительства человечества до потопа связывается с предместьями рая прародителей, а потоп стал лишь поводом к перемещению. В результате произошло отделение рая от ойкумены в пределах единого физического пространства, разрезанного на две части непроходимыми водными пучинами.

С обоснованием идеи земного рая выступил другой крупный представитель антиохийского богословия – Севериан Габальский (конец IV – первая треть V в.). Соответствующие разделы его труда под названием «Шесть речей о мироздании» были воспроизведены в «Слове шестого дня» «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и стали достоянием древнерусской книжности с XII столетия. В результате текстологических изысканий установлен факт обширного тиражирования «Шестоднева» [Баранкова, Мильков, с. 289–293]. Появление в XV в. полных версий труда Севериана только способствовало популяризации идеи земного рая [Космологические произведения, с. 92–93].

Подобно Козьме Индикоплову, Севериан уподоблял мироздание устройству дома, основанием которого является земля, а потолком – небесная твердь, охлаждающая жар перемещающихся в воздушной сфере светил вселенского дома [Там же, с. 96–112]. Отправным пунктом рассуждений богослова было указание Библии на насаждение Богом рая в Эдеме на востоке земли. Соответственно, он связывает рай с дольной восточной частью земного пространства, хотя местоположение не конкретизирует. В обосновании экстерриториальности рая он исходил из того, что Адам был изгнан оттуда, а его потомки распространились по лицу прилегающей к раю земли. Согласно Севериану Габальскому, рай имеет огромные размеры и предназначен для блаженства в нем пророков, евангелистов, святых и всех живших праведно. Хотя географических привязок, кроме указания на восточный край суши, не дается, экзегет называет райские реки, которые объединяют сакральную зону земного пространства с обитаемыми местами расселения людей⁷.

Авторитетность концепции земного рая придавало то, что ее разделяли Ефрем Сирийский, Иоанн Златоуст, Федор Мопсуэстийский, Феодорит Киррский [Культура Византии, с. 434–440]. На этом фоне умолчание Василия Калики о размышлениях экзегетов на тему земного рая (кроме краткой ссылки на Иоанна Златоуста) представляется загадкой. Вместо

⁷ Ср. аргументацию за материковую версию в «Вопросах князя Антиоха и ответах святого Афанасия Александрийского»: «насади бог рай на востоцех. Учить бо нас яко на востоцех вся земля есть рай... сего ради вся благовонная от аромат на восточных землях рекше, индийских станах суть» [Мильков, 2017, с. 114]. О бытовании памятника с XI в. см.: [Там же, с. 110].

авторитетных богословских мнений в «Послании» новгородского святителя фигурируют разнообразие мифические свидетельства путешественников, видевших или даже посещавших рай. И общий контекст не спасают отсылки к Св. Писанию, поставленные в один ряд с легендарно-апокрифическими источниками. Конечно, можно допустить, что перечисленные нами богословские тексты не были известны Василию, хотя для такого книжного центра, каким был Новгород, это маловероятно. Нельзя исключать сознательный подбор аргументации, в которой речь последовательно идет о путешествиях к земному раю и контактах с ним. В экзегезе сама мысль о доступностирая строго исключается.

Некоторые исследователи необоснованно считают, что Василий Калика признавал существование только земногорая [Sedel'nikov, р. 230–231; Лончакова, 1975, с. 88]. О понимании владыкой инобытийной реальности можно судить по критике Федора Доброго, к которому предъявляются претензии, что тот мысленный рай считал не столько реальностью, сколько некой иллюзорностью: «И ныне брате, мнит тия мысленный рай, но все мыслено мнится видением» [Послание, с. 44]. На утверждение Федора, что рай погиб, Василий отвечает напоминанием, что туда по воскресении Христа через неприступные врата, охранявшиеся херувимами, было введено большое количество святых, там же пребывает Богородица: «а место се святое како погыбе... в немь же есть Пречистая Богородица, и множество святых, еже по въскресении Господни явишася многим в Иерусалиме и паки внидоша в рай» [Там же]. Получается, что земной рай существует, ибо предназначен для пребывания праведников. Одновременно Василий неоднократно использует понятие Царствия Божьего, но при этом нигде не говорит о Царствии Небесном. В его понимании со вторым пришествием Христа «вся земля просвещена будет светом неизреченным» и будет «исполнена радости и веселия» [Там же, с. 48]. Новгородский святитель полагал, что после второго пришествия Царствием Божиим становится весь мир. Рай прошлого не уничтожается огнем светопреставления, а преобразуется в рай будущего. После огненного очищения земли оппозиция «земной – небесный» утрачивает свою значимость, соответственно, нет противоречия в утверждении, что восхищенный Богом Илья пребывает в земной обители праведных. Таким необычным приемом Василий обосновывает трансформацию земногорая в Царствие Божие, каковым вместе с раем прародителей становится вся преобразенная земля⁸.

⁸ В понимании соотношения феноменальных и ноуменальных признаков ход мыслей Василия Калики далек от построений Иоанна Дамаскина, который, наряду с физическими свойствами, усваивал раю и духовные качества: «чистое место видимо и разумно. сугубь имыи сказъ» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 323а]. Экзегет связывает рай с восточной стороной мироздания, но локализует его над землей в эфирном пространстве: «на встоце же вся земля выше лежит» [Там же]. О неземных свойствахрая прошлого высказывался Григорий Синаит: «рай сугубь есть чувственныи и мысленныи, сиречь иже в едеме и благодатныи» [Седелников, с. 170]. Рай он представлял располагавшимся «посреде тле и нетления сътворен» в некоей возвышенности, достигавшей «третьей чясти до небесе» [Там же, с. 170–171]. В таком ключе рай прародителей толковался как небесный.

Если рассматривать изложенную в «Послании о рае» систему доказательств в целом, можно увидеть, как аргументы от Писания подкрепляются данными апокрифического характера и мифологизированными легендами. Именно хождения к раю и облеченная в рассказ «видоков» легенда призваны опровергнуть заблуждения Федора Доброго. Актуализируя мифологический подтекст повествований о путешествии на край света, новгородский владыка встает на позиции людей с наивной верой, отправлявшихся на поиски земного рая⁹.

Поднимая тему земного рая, Василий Калика ограниченно задействовал имевшийся к тому времени книжный фонд. В его репертуаре преобладают не доктринально выверенные цитаты из экзегетов, а рассказы, в которых с большей или меньшей степенью проявились мотивы легендарно-мифологического характера. В своих построениях он вышел за рамки доктринально допустимого представления о картине мира и никак не обозначил особую онтологическую природу рая, исключительно подчеркивая его феноменальность. Одновременно он приписывал раю прошлого функции небесного рая, а рай будущего трактовал как трансформированный в Царствие Божие земной рай. Совершенно справедливым следует считать вывод одного из новейших авторов о том, что новгородский архиерей «не отличался глубокой теоретичностью осмысления вопроса о рае» [Дергачева, с. 142]. Оказывая доверие легендарно-мифологическим свидетельствам, Василий жертвовал доктринально выверенными трактовками, которые были приняты в христианской письменности и обладали в ту эпоху статусом достоверности, выше которого была только буква Писания. По критериям вероучения, все, что говорилось о земном рае новгородским святителем, конечно, кроме отсылок к ветхозаветным свидетельствам, это фантазия, миф, облеченный в занимательный рассказ достигавших рая путешественников.

Хотя в «Послании о рае» и приводится общая с полемическими древнерусскими статьями аргументация в пользу феноменальной природы рая, его автор дерзко расширяет доказательную базу за счет обращения к данным чувственного опыта. В результате занесенная Василием в книжность и тиражировавшаяся там устная легенда о путешествии новгородцев к раю давала вторую жизнь архаическим представлениям о мире предков, правда, уже в христианизированной редакции. Заподозрить главу новгородской церкви в реанимации архаики и сознательном вольнодумстве мы не можем. Однако факт доверия Василия к легендарной истории с дохристианским подтек-

⁹ Об этом свидетельствуют европейские подорожные к раю и реальная экспедиция бенгальского царя Шаридипа, который по реке Ганг пытался дойти до обители праведных. Воспоминания о походах к раю нашли отражение в поздней русской переработке «Сказания о Макарии Римском». Согласно апокрифу, новгородские монахи идут на поиски рая, наблюдают в пути необычайные пространства и сказочных зверей, а, преодолев все трудности, встречают Макария вблизи утопающего в садах рая [Ржига, с. 374–385].

стом красноречиво свидетельствует о качестве новгородской религиозности. Подобного рода всеядность новгородского священноначалия, разделявшего со своей паствой народную веру в географическую досягаемость иного мира, мало способствовала качественной перестройке религиозного сознания верующих на основах христианского вероучения. Пережитки двоеверия, фиксировавшиеся книжными и археологическими источниками, закономерный результат в том числе и того синтеза, который был фактом религиозного сознания в середине XIV в.

Список литературы

Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М. ; Л. : Наука, 1955. 269 с.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности. СПб. : Алетей, 2002. 347 с.

Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1889. Т. 1–2. 207 с.

Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб. : Алетей, 2001. 972 с.

Ванеева Е. И. Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л. : Наука, 1987. С. 21–25.

Веселовский А. Н. Из истории романа и повести : Материалы и исследования. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1886. 511, 80 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 40. № 2).

Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6. XVIII–XXIV. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1891. [2], 230, 174 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 53. № 6).

ГИМ. Синод. собр. № 548, 638, 817 (№ 806 по старой нумерации), 951; Собр. А. С. Уварова. № 566; Собр. А. И. Хлудова. № 195.

Демкова Н. С. Комментарии к «Посланию Василия Новгородского Федору Тверскому о рае» // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 517–519.

Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Кругъ, 2004. 351 с.

Елеонская Е. Н. Представления «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. М. : Индрик, 1994. С. 42–50.

Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе : в 3 т. Пг. : Рос. гос. академ. тип., 1920. Т. 1. Текст. XVIII, 612, III с.

Книга нарицаема Козьма Индикоплов: Древнерусский перевод по рукописи 1495 г. / изд. подг. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М. : Индрик, 1997. 776 с.

Космологические произведения в книжности Древней Руси : в 2 ч. / изд. подг. В. В. Мильков, С. М. Полянский. СПб. : Мир, 2009. Ч. 2. Тексты плоскоотно-комарной и других космологических традиций. 623 с.

Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. М. : Наука, 1984. 723 с.

Левкиевская Е. Е. Представления о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах. 2003. М. : Индрик, 2004. С. 342–364.

Лончакова Г. А. Послание Василия Калики Федору Доброму // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск : Гос. публ. науч.-тех. б-ка Сиб. отд. Акад. наук СССР, 1975. Вып. 19. С. 83–104.

Лончакова Г. А. О круге чтения новгородского писателя архиепископа Василия Калики (XIV в.) // Библиосфера. 2007. № 4. С. 67–71.

Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе // Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М. ; Л. : Наука, 1955. С. 145–168.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 885 с.

Мильков В. В. Древнерусские представления об ином мире // Россия XXI. 2015. № 5. С. 64–91.

Мильков В. В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 1. Хождение Зосимы к рахманам // Язык и текст. Т. 3. 2016а. № 4. С. 44–71. DOI 10.17759/langt.2016030405.

Мильков В. В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 2. Сказание о Макарии Римском // Язык и текст. Т. 3. 2016б. № 4. С. 72–101. DOI 10.17759/langt.2016030406.

Мильков В. В. Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» // Язык и текст. Т. 4. 2017. № 4. С. 85–118. DOI 10.17759/langt.2017040407.

Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса : Тип. шт. войск Одесского воен. округа, 1893. 281 с.

Никифоров А. И. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русских переводах // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань : Тип. «Красный печатник», 1923. Т. 32. Вып. 2. С. 131–186.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1862. [6], 180 с.

Пиотровская В. К. «Христианская топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 248 с.

Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М. : Синод. тип., 1872. [10], X, 664, 54 с.

Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае / подг. текста и пер. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 42–49.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1, 53.

РГБ. Собр. И. Д. Беляева. № 54 (бывшее Собр. Румянцевского музея. № 1548); Собр. Е. Е. Егорова. № 202; Собр. Г. Г. Юдина. № 2.

Ржига В. Ф. Новая версия легенды о земном рае // Byzantinoslavica. 1930. Roč. II. S. 374–385.

РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081, 11/1088; Собр. Соловецкого монастыря. № 860/970, 861; Собр. Софийской библиотеки. № 1450, 1449.

Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // Byzantinoslavica. 1937–1938. Roč. VII. S. 164–173.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. М. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1863. Т. 2. 457 с.

Федоровская Н. А. Риторические традиции аргументации в «Послании о рае» Василия Калики // Изв. Владивосток. гос. пед. ун-та. 2013. № 1. С. 56–59.

Чистяков В. А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. М. : Наука, 1982. С. 114–127.

Des Hl. Johannes von Damascus. Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden – Freiburg : Verlag Otto Harrassowitz, 1981. Bd. 2. 412 S. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: fontes et dissertationes. T. XIV).

Sedel'nikov A. D. Vasilij Kalika: L'histoire et la légende // Rev. des études slaves. T. 7. Fasc. 3–4. 1927. P. 224–240.

References

Alekseev, A. I. (2002). *Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti* [Under the Sign of the End of Times. Essays on Russian Religiosity]. St Petersburg, Aleteiya. 347 p.

Arkhangel'skii, A. S. (1889). *Tvoreniya otsov tserkvi v drevnerusskoi pis'mennosti* [Works of the Church Fathers in Old Russian Writing]. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo universiteta. Vols. I–II. 207 p.

Barankova, G. S., Milkov, V. V. (2001). *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo* [The Hexaemeron of John, Bulgarian Exarch]. St Petersburg, Aleteiya. 972 p.

Botvinnik, M. N., Lourié, Ya. S., Tvorogov, O. V. (Eds.). (1955). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV v.* [Alexandria. A Novel about Alexander the Great in the Russian Manuscripts of the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Nauka. 269 p.

Chistyakov, V. A. (1982). Predstavleniya o doroge v zagrobnyi mir v russkikh pokhoronnykh prichitaniiakh XIX–XX vv. [Ideas about the Road to the Afterlife in Russian Funeral Lamentations of the 19th–20th Centuries]. In Sokolova, V. K. (Ed.). *Obrady i obryadovyi fol'klor*. Moscow, Nauka, pp. 114–127.

Demkova, N. S. (1999b). Kommentarii k “Poslaniyu Vasiliya Novgorodskogo Fedoru Tverskomu o rae” [Comments on the *Epistle from Vasily of Novgorod to Fyodor of Tver about Paradise*]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 6, pp. 517–519.

Demkova, N. S. (Ed.). (1999a). Poslanie Vasiliya Novgorodskogo Fedoru Tverskomu o rae [Epistle from Vasily of Novgorod to Fyodor of Tver about Paradise]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 6, pp. 42–49.

Dergacheva, I. V. (2004). *Posmertnaya sud'ba i “inoi mir” v drevnerusskoi knizhnosti* [Posthumous Fate and the “Other World” in Old Russian Literature]. Moscow, Krug. 351 p.

Des Hl. Johannes von Damascus. (1981). *Ἐκθεις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes* / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden – Freiburg, Verlag Otto Harrassowitz. Bd. 2. 412 S. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: fontes et dissertationes. T. XIV).

Eleonskaya, E. N. (1994). Predstavleniya “togo sveta” v skazochnoi traditsii [Ideas about the “Other World” in the Fairytale Tradition]. In *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii*. Moscow, Indrik, pp. 42–50.

Fedorovskaya, N. A. (2013). Ritoricheskie traditsii argumentatsii v “Poslanii o rae” Vasiliya Kaliki [Rhetorical Traditions of Argumentation in the *Epistle about Paradise* by Vasily Kalika]. In *Izvestiya Vladivostokskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 56–59.

GIM [State Historical Museum]. (Sinodal'noe sobranie). No. 548, 638, 817 (No. 806 po staroi numeratsii), 951; (Sobranie A. S. Uvarova). No. 566; (Sobranie A. I. Khlu-dova). No. 195.

Golyshenko, V. S., Dubrovina, V. F. (Eds.). (1997). *Kniga naritsaema Koz'ma Indikoplov. Drevnerusskii perevod po rukopisi 1495 goda* [The Book is Called Cosmas Indicopleustes. Old Russian Translation of the Manuscript from 1495]. Moscow, Indrik. 776 p.

Istrin, V. M. (1920). *Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode* [Temporal and Figurative Books by George Mnich. The Chronicle of George Hamarthol in an Old Slavic-Russian Translation.]. Petrograd, Rossiiskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. Vol. 1. Tekst. XVIII, 612, III p.

Levkievskaya, E. E. (2004). Predstavleniya o “tom svete” u vostochnykh slavyan [Representations of the “Other World” among the Eastern Slavs]. In *Slavyanskii al'manakh. 2003*. Moscow, Indrik, pp. 342–364.

Lonchakova, G. A. (1975). Poslanie Vasiliya Kaliki Fedoru Dobromu [Message from Vasily Kalika to Fyodor the Kind]. In *Voprosy istorii knizhnoi kul'tury*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Iss. 19, pp. 83–104.

Lonchakova, G. A. (2007). O krugu chteniya novgorodskogo pisatelya arkhiepiskopa Vasiliya Kaliki (XIV vek) [On the Reading Circle of Vasily Kalika – a Novgorod Archbishop and Writer (14th Century)]. In *Bibliosfera*. No. 4, pp. 67–71.

Lourié, Ya. S. (1955). Srednevekovyi roman ob Aleksandre Makedonskom v russkoi literature [A Medieval Novel about Alexander the Great in Russian Literature]. In Botvinnik, M. N., Lourié, Ya. S., Tvorogov, O. V. (Eds.). (1955). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV v.* Moscow, Leningrad, Nauka, pp. 145–168.

Milkov, V. V. (2017). Apokrificheskie obrazy inogo mira v apokrifakh “Videnie apostola Pavla”, “Khozhdenie Bogoroditsy po mukam”, “Voprosakh i otvetakh svyatogo Afanasiya knyazyu Antiokhu” [Apocryphal Images of the Other World in the Apocrypha *The Vision of Paul the Apostle, Descent of the Virgin into Hell, Questions and Answers of St Athanasius to Antiochus*]. In *Yazyk i tekst*. Vol. 4. No. 4, pp. 85–118. DOI 10.17759/langt.2017040407.

Milkov, V. V. (1999). *Drevnerusskie apokrify* [Old Russian Apocrypha]. St Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. 885 p.

Milkov, V. V. (2016a). Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifakh. 1. Khozhdenie Zosimy k rakhmanam [The Theme of the Earthly Paradise in Old Russian Apocrypha. 1. Zosima's Journey to Rahmans]. In *Yazyk i tekst*. Vol. 3. No. 4, pp. 44–71. DOI 10.17759/langt.2016030405.

Milkov, V. V. (2016b). Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifakh. 2. Skazanie o Makarii Rimskom [The Theme of Earthly Paradise in Old Russian Apocrypha. 2. The Legend of Macarius the Roman]. In *Yazyk i tekst*. Vol. 3. No. 4, pp. 72–101. DOI 10.17759/langt.2016030406.

Milkov, V. V., Polyanskii, S. M. (Eds.). (2009). *Kosmologicheskie proizvedeniya v knizhnosti Drevnei Rusi v 2 ch.* [Cosmological Works in the Literature of Old Rus'. 2 Parts]. St Petersburg, Mir. Part 2. Teksty ploskostno-komarnoi i drugikh kosmologicheskikh traditsii. 623 p.

Milkov, V.V. (2015). Drevnerusskie predstavleniya ob inom mire [Old Russian Ideas about the Other World]. In *Rossiya XXI*. No. 5, pp. 64–91.

Mochul'skii, V. N. (1893). *Sledy narodnoi Biblii v slavyanskoi i drevnerusskoi pis'mennosti* [Traces of the Folk Bible in Slavonic and Russian Literature]. Odessa, Tipografiya shtatnykh voisk Odesskogo voennogo okruga. 281 p.

Nikiforov, A. I. (1923). Mineinye i prolozhnye teksty apokrifa o Makarii Rimskom v slavyanorusskikh perevodakh [Menaion and Prolog Texts of the Apocrypha about Macarius the Roman in Slavic-Russian Translations]. In *Izvestiya obschestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. Kazan', Tipografiya “Krasnyi pechatnik”. Vol. 32. Iss. 2, pp. 131–186.

Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko [Texts of Old Russian Literature Issued by Grigory Kushelev-Bezborodko]. (1862). St Petersburg, Tipografiya P. A. Kulisha. Iss. 3 Lozhnye i otrechennye knigi russkoi stariny, sobrannye A. N. Pypinym. [6], 180 p.

Piotrovskaya, V. K. (2004). “*Khristianskaya topografiya Koz'my Indikopleusta*” v drevnerusskoi pis'mennoi traditsii [The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes in the Old Russian Written Tradition]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 248 p.

Popov, A. (1872). *Opisanie rukopisei i katalog knig tserkovnoi pechati biblioteki A. I. Khludova* [Description of Manuscripts and Catalogue of the Church Books of A. I. Khludov's Library]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. [10], X, 664, 54 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181. List 1. No. 1, 53.

RGB [Russian State Library]. (Sobranie I. D. Belyaeva). No. 54 (byvshee Sobranie Rumyantsevskogo muzeya. No. 1548); (Sobranie E. E. Egorova). No. 202; (Sobranie G. G. Yudina). No. 2.

RNB [National Library of Russia]. (Sobranie Kirillo-Belozerskogo monastyrya). No. 4/1081, 11/1088; (Sobranie Solovetskogo monastyrya). No. 860/970, 861; (Sobranie Sofiiskoi biblioteki). No. 1450, 1449.

Rzhiga, V. F. (1930). Novaya versiya legendy o zemnom rae [A New Version of the Legend of Earthly Paradise]. In *Byzantinoslavica*. Roč. II, s. 374–385.

Sedel'nikov, A. D. (1927). Vasilij Kalika: L'histoire et la legende. In *Revue des etudes slaves*. Vol. 7. Fasc. 3–4, pp. 224–240.

Sedel'nikov, A. D. (1937–1938). Motiv o rae v russkom srednevekovom preni [The Motif of Paradise in the Russian Medieval Debate]. In *Byzantinoslavica*. Roč. VII, s. 164–173.

Tikhonravov, N. S. (1863). *Pamyatniki otrechenoi russkoi literatury v 2 t.* [Texts of Heretical Russian Literature. 2 Vols.]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. Vol. 2. 457 p.

Udal'tsova, Z. V. (Ed.). (1984). *Kul'tura Vizanti. IV – pervaya polovina VII v.* [The Culture of Byzantium. 4th – First Half of 7th Centuries]. Moscow, Nauka. 723 p.

Vaneeva, E. I. (1987). Aleksandriya Serbskaya [Serbian Alexandria]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Iss. 1. XI – pervaya polovina XIV v. Leningrad, Nauka, pp. 21–25.

Veselovsky, A. N. (1886). *Iz istorii romana i povesti. Materialy i issledovaniya* [From the History of the Novel and Story. Materials and Research]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 511, 80 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 40. No. 2).

Veselovsky, A. N. (1891). *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha* [Studies in the Field of Russian Spiritual Verse]. Iss. 6. XVIII–XXIV. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. [2], 230, 174 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 53. No. 6).

The article was submitted on 23.07.2019